

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1. СОЦИАЛЬНЫЙ ГЕНЕЗИС РЕСЕНТИМЕНТА: ПРОТИВОРЕЧИЯ В КЛАССИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ	10
Глава 2. РЕСЕНТИМЕНТ КАК УМОНАСТРОЕНИЕ АРИСТОКРАТИИ	26
Глава 3. АРХАИЧЕСКИЕ ФОРМЫ РЕСЕНТИМЕНТА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ	61
Глава 4. РЕСЕНТИМЕНТ: КОНЦЕПЦИЯ И ФЕНОМЕН	74
4.1. Ресентимент: французский феномен и немецкая теория.	75
4.2. Концепция ресентимента как критика ложного сознания низов	95
4.3. Критика ложного сознания справа и ее эффективность	100
4.4. Ресентимент как ложное сознание и его же критика	109
Глава 5. ЛИКИ РЕСЕНТИМЕНТА В ЭПОХУ МОДЕРНА	123
5.1. Век демократии: «Я так же хорош, как вы»	123
5.2. Женщина и ресентимент	140
5.3. Демократия и двойные «двойные стандарты»	158
Глава 6. ПРЕКАРИЗАЦИЯ И РЕСЕНТИМЕНТ	164

Глава 7. Общество без ресентимента	182
Глава 8. Деструктивный социальный феномен или неустранимая норма современных обществ?	193
Глава 9. Дискурс о ресентименте как часть риторики отклонения от «нормы»	217
Глава 10. Предостерегающее лирическое отступление	234
Заключение	251
Библиография	260

Введение

ПРИЗРАК бродит по миру, призрак ресентимента. Ресентимент черных, которых упрекают за это в «черном расизме», и ресентимент белых, обнаруживших себя далеко не такими процветающими, как прежде. Зачастую подпитываемый религией ресентимент целых стран и регионов — как наследие в равной мере колониального прошлого и неудачных попыток присоединиться к цивилизованному миру. Ресентимент бедных, вытекающий из бессильного возмущения неспособностью и невозможностью изменить свое положение. И ресентимент не самых обездоленных, но давно упершихся в «стеклянный потолок», который более не пробивается доступными социальными лифтами. С ними тесно переплетается ресентимент многочисленных мнимых и подлинных жертв дискриминации и разнообразных видов неравенства — от привычных классового и расового до культурного, телесного или гендерного. Надо всем этим гордо реет популизм, как правый, так и левый, для которого ресентимент — едва ли не второе имя. Да и раньше было не лучше — призрак коммунизма, к которому мы ради красного словца отсылаем в первой строчке, был на самом деле призраком все того же ресентимента, хитро-

умно выданного за научную теорию. Ибо «у пылкой риторики “Манифеста Коммунистической партии”, лженаучной марксистской трудовой теории стоимости и классового анализа истории человечества, единый эмоциональный источник, а именно ресентимент по отношению к тем, кто контролирует материальную сторону жизни»¹.

Ресентиментом пытаются объяснить почти все что угодно, начиная с леволиберальных политических стратегий, поддерживающих идентичности, основанные на «жертве»², и заканчивая победой Дональда Трампа в Америке³ и особенностями российской внутренней и внешней политики⁴. Некоторые авторы склонны даже считать, что сегодня мы сталкиваемся с «политикой ресентимента». Политика ресентимента, по мнению Фрэнсиса Фукуямы, включает в себя случаи, когда тот или иной политический лидер мобилизует последователей, эксплуатируя их групповые обиды, чувство унижения или подозрение, что ими пренебрегают или что их недооценивают. К такому можно отнести Владимира Путина, Виктора Орбана, Усаму бен Ладена (как и откликнувшихся на его призыв молодых единоверцев). Ресентимент в демократических странах оказывается не менее мощной силой — примером тому является движение Black Lives Matter (BLM). Другие

¹ *Скрутон Р.* Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых / пер. с англ. Н. Глазкова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. (Полит. теория). С. 28. URL: <https://www.rulit.me/books/duraki-moshenniki-i-podzhigateli-mysliteli-novyh-levyh-litres-read-661980-9.html> (дата обращения: 29.03.2021).

² *Brown W.* States of Injury: Power and Freedom in Late Modernity. Princeton: Princeton Univ. Press, 1995.

³ *Giroux H.A.* The Authoritarian Politics of Resentment in Trump’s America. 13.11.2016. URL: <https://truthout.org/articles/the-authoritarian-politics-of-resentment-in-trump-s-america/> (дата обращения: 29.03.2021).

⁴ *Ямпольский М.* В стране победившего ресентимента. 06.10.2014. URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/4887-v-strane-pobedivshego-resentimenta> (дата обращения: 30.03.2021).

примеры — борьба против сексуального насилия и сексуальных домогательств в университетских кампусах и офисах в Америке, против дискриминации трансгендеров. «И многие из тех, — продолжает Фукуяма, — кто голосовал за Дональда Трампа, надеясь “вернуть Америке былое величие”, помнили прежние — лучшие — времена, когда их положение в собственных сообществах было более надежным. Настроения путинских сторонников в чем-то схожи с раздражением избирателей из сельских районов США. Негодование первых по поводу высокомерия и презрения западных элит по отношению к России тождественно возмущению вторых безразличием городских элит обоих побережий США и их медиасоюзников к проблемам американской глубинки»⁵.

Сегодня вряд ли найдется такая политическая сила или социальная группа, которую ее противники не изобличали бы в ресентименте. Означает ли это, что ресентиментом пронизаны все современные общества сверху донизу или же, в силу каких-то причин, скорее получил огромное распространение *взгляд, обнаруживающий ресентимент*? Подозревать последнее позволяет то, что термин «ресентимент» с самого начала использовался в большей степени с целью разоблачения или изобличения, чем с целью объективного анализа реально существующих феноменов. Так что же такое ресентимент — объективный социальный факт или ярлык, наклеиваемый на оппонента в запале борьбы? На этот вопрос мы и попытаемся ответить в предлагаемом исследовании.

⁵ Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблшер, 2019. С. 30–32.

Глава 1

Социальный генезис ресентимента: противоречия в классическом понимании

ФЕНОМЕН ресентимента обращает на себя внимание в конце XIX — начале XX века, когда классы, ранее считавшиеся страдающими или неспособными изменить свое положение, начинают обретать силу. Ресентимент не является проблемой, когда силы у них еще нет и они не помышляют о том, чтобы стать чем-то бóльшим. Наличие ресентимента не так заметно, когда почва для его проявлений сужается ввиду роста возможностей угнетенных классов и интенсификации социальной мобильности, как это было в послевоенное тридцатилетие с характерными для него ростом среднего класса, повышением влияния организованных трудящихся, расцветом социального государства. Однако сегодня мы имеем дело с последствиями десятилетий неолиберальной социальной политики — падением влияния организаций трудящихся, сокращением среднего класса, кризисом «общества труда». В результате снова удобряется почва для всех тех чувств, поведенческих установок и моральных стратегий, которые объединяются в феномене ресентимента и представляют собой смесь негодования по поводу своего ущемленного положения и осознания неспособности его сейчас изменить. По мере перерождения современных обществ из классовых в классово-сословные, в кото-

рых статус снова имеет значение для все бóльших групп населения, актуализируется и проблематика ресентимента. Огромный потенциал ресентимента содержат замораживание социальной структуры, остановка социальных лифтов, нисходящая социальная мобильность, прекаризация. Прекариату же, как отмечалось, больше свойственен ресентимент, чем бунт; поэтому его антикапиталистические лозунги, с которыми выступило, например, движение Occupy Wall Street («Захвати Уолл-стрит») в 2011 году, могут расцениваться как проявление ресентимента.

Словом, современность открывает для проявлений ресентимента новые горизонты. Феномен ресентимента был замечен в эпоху «восстания масс», когда невиданное ранее приобщение народов к культуре позволило говорить об ее относительном упадке вследствие демократизации: грубый голос народа стал слышней, чем в прежние эпохи. Сегодня, в силу ряда причин, связанных с техническим прогрессом и культурными трансформациями, этот голос еще слышнее. Массы впервые в истории приобрели возможность высказываться практически без институциональных фильтров в виде высшего образования, без цензуры, которую подразумевали даже самые демократические газеты, — и быть услышанными. Отсюда, в частности, взлет разного рода хейтерства, когда возродившееся чувство бессилия от невозможности действительно изменить свое положение в равной мере выплескивается и на элиты, и на людей, сходных по социальному статусу, но отличающихся политическими взглядами, моральными установками, полом, цветом кожи. Ситуацию усугубляет тот факт, что, по справедливому замечанию Ирины Шафаревич, «в социальных сетях люди, представляющие определенные слои общества, демонстрируют высокий уровень жизни, достаток, успешность и беззаботную жизнь, которые выступают предметом зависти и ненависти тех, кто не может получить данные материальные и духовные

блага. Отсутствие возможности самореализации, неполноценность и неудовлетворенность создают благоприятные условия для формирования ресентимента»¹.

Понятие ресентимента, казалось бы, имеет огромный потенциал при осмыслении ряда моральных и политических аспектов трансформаций, происходящих в современных обществах. Но в том виде, в котором его сформулировал Фридрих Ницше, уточнил Макс Шелер и в каком его обычно используют сейчас², оно оказывается одновременно и слишком, и недостаточно привязанным к социальной структуре обществ, для анализа которых применяется. Происходит это потому, что ницшевские и шелеровские представления о ресентименте хотя и отсылают к социоструктурным аспектам его генезиса, но делают это противоречиво и некорректно.

Как замечает Чер-унг Пак, у Шелера ресентимент «всегда проявляется в неразрывной связи с определенной исторической и социальной констелляцией. Исследовать его — значит узнать, в рамках каких социальных условий он возник. <...> Шелер выделяет ресентиментные типы, существование которых не зависит от индивидуальных характеристик и переживаний, поскольку они имеют свое основание в известных, типично повторяющихся человеческих «ситуациях»³. Иными словами, понятие ресентимента подразумевает отсылку одновременно и к социальной группе

¹ *Шафаревич И.О.* Понятие ресентимента как инструмента анализа социальных явлений // Социология. 2019. № 3. С. 57.

² То есть преимущественно как феноменальное единство переживаний и действия, обусловленное бессильным негодованием ввиду невозможности изменить свое положение, из чего вытекает моральная установка «переоценки ценностей» с сознательной и бессознательной целью «отомстить» виновникам перманентного унижения.

³ *Пак Ч.* Ресентимент, оценка, знание и социальное действие в учении Макса Шелера: опыт исследования социологии чувств / пер. с нем. А.Н. Малинкина // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 154.

(без которой оно потеряло бы значительную часть своей убедительности), и к «человеческой ситуации» (которая не может быть четко привязана к той или иной социальной группе). Но вместо обращения к реальным социальным группам и «человеческим ситуациям» оно имеет дело с крайне идеализированными и упрощенными их образами, со стереотипами, долгое время присутствовавшими в культуре вполне определенного класса. Ницше и Шелер увязывали генезис этих «типично повторяющихся человеческих ситуаций», характеризующихся слабостью, бессилием, отложенным стремлением к мести и т.д., практически исключительно с низшими классами («мораль рабов»), а их противоположность — с классами высшими, с аристократией («мораль господ»). Аристократичность, от которой они отталкивались, для них (как позже и для Николая Бердяева) имела исключительно духовное происхождение. Она налагала «обязанности благородства» и была прекрасна, тогда как «плебейская обида на мир, подпольная озлобленность, уязвленность неблагоприятны, уродливы»⁴.

Ресентимент, с точки зрения Ницше, рассматривается как самообман, выдача нужды за добродетель, которая возникает, «когда угнетенные, растоптанные, подвергшиеся насилию увещевают себя из мстительной хитрости бессилия: “будем иными, чем злые, именно, добрыми! А добр всякий, кто не совершает насилия, кто не оскорбляет никого, кто не нападает, кто не воздает злом за зло, кто препоручает месть Богу, кто подобно нам держится в тени, кто уклоняется от всего злого и вообще немногого требует от жизни, подобно нам, терпеливым, смиренным, праведным”»⁵. С точки зрения Ницше, все это «самоодурачивание бессилия... роскошь самоотверженной, умолк-

⁴ Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1907. С. V.

⁵ Ницше Ф. К генеалогии морали. Полемическое сочинение // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 431.

шей, выжидающей добродетели, точно слабость самого слабого — то есть сама его сущность, его деятельность, вся его единственная неизбежная, нераздельная действительность — представляла бы собою некую добровольную повинность, нечто повolenное, предпочтенное, некое деяние, некую заслугу»⁶. Ресентимент — это также прикрытие лозунгом справедливости банальной мести: «...нечего удивляться, видя, как именно из этих кругов исходят попытки, не раз уже имевшие место, — освятить месть под именем справедливости, точно справедливость была бы, по сути, лишь дальнейшим развитием чувства обиды, и вместе с мезтью возвеличить задним числом все вообще реактивные аффекты»⁷.

Но каков же социальный субъект ресентимента? И какой социальный субъект ему противопоставляется? Упор на иммобилизм, паразитизм и иные негативные черты страдающего ресентиментом субъекта — характерная черта классического дискурса о ресентименте, который повествует об ущербной во всех отношениях личности. Ей противопоставляется личность благородная, гармоничная, сильная, словом — образец человека, который должен выступать в качестве объекта для подражания. Типичное для Ницше возведение хорошего к аристократическому, а плохого к плебейскому звучит так: «Ориентиром, выводящим на *правильный* путь, стал мне вопрос, что, собственно, означают в этимологическом отношении обозначения “хорошего” в различных языках: я обнаружил тут, что все они отсылают к *одинаковому преобразованию понятия* — что “знатный”, “благородный” в сословном смысле всюду выступают основным понятием, из которого необходимым образом развивается “хороший” в смысле “душевно знатного”, “благородного”, “душевно породистого”,

⁶ Ницше Ф. Указ. соч. С. 432.

⁷ Там же. С. 452.

“душевно привилегированного”: развитие, всегда идущее параллельно с тем другим, где “пошрое”, “плебейское”, “низменное” в конце концов переходит в понятие “плохое”»⁸. Ницше пишет о «высокородных», которые чувствуют себя счастливыми, потому что являются активными людьми, не лгут себе, «позитивны»⁹, в отличие от пассивных, «бессильных, угнетенных, гноящихся ядовитыми и враждебными чувствами людей»¹⁰. Это крепкие и цельные натуры, «в которых преизбыточествует пластическая, воспроизводящая, исцеляющая и стимулирующая забывчивость сила (хорошим примером этому в современном мире является Мирабо, который был начисто лишен памяти на оскорбления и подлости в свой адрес и который лишь оттого не мог прощать, что — забывал)»¹¹. «Активный, наступательный, переступательный человек все еще на сто шагов ближе к справедливости, нежели реактивный... Оттого фактически во все времена агрессивный человек, в качестве более сильного, более мужественного, более знатного, обладал и *более свободным* взглядом, *более спокойной* совестью...»¹². Если у благородного и проявляется resentment, то совсем ненадолго и не отравляет его. Идеализированному аристократу противопоставляются люди ressentiment, «эти физиологически увечные и источенные червями существа»¹³, придумавшие самую «нечистую совесть». Если в аристократах обнаруживаются отталкивающие черты, то их наличие приписывается негативному влиянию низов: «рабское» в иерархии ценностей Ницше — это низкое в самих верхах, результат проникновения худших психологических свойств политически

⁸ Ницше Ф. Указ. соч. С. 418.

⁹ Там же. С. 453.

¹⁰ Там же. С. 426.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 453.

¹³ Там же. С. 494.

пассивной массы в господский менталитет. Это «светская чернь», «мещанство во дворянстве», «дикие помещики», «смесь французского с нижегородским» и т.д.¹⁴ В конечном счете в рамках ницшевской концепции ресентимента если некто долго испытывает характерные для ресентимента чувства, то он, несомненно, «раб», ущербный человек и ему должно быть стыдно признаваться в самом наличии этих чувств.

Отдельно следует указать на то, что в рамках классической концепции ресентимента предполагается, что люди ресентимента не могут иметь и правильного представления о справедливости просто потому, что они подвержены чувству негодования, желанию отомстить, возмущению несправедливостью. Как замечает по данному поводу Андрей Прокофьев, «в современной этической мысли... первичный импульс мстительности (и в определенной мере — первичный импульс зависти) является а) универсальной энергетической основой чувства справедливости, б) структурным прообразом этого чувства. ...Тот, кто не имеет способности к первичным мстительным переживаниям, оказывается лишен возможности превратиться в справедливого человека. Он может стать гением альтруистического служения другим людям, но опыт справедливости будет знаком ему только внешне»¹⁵. Ницше же всячески стремится оторвать чувство справедливости от ресентимента, описывая последний исключительно как реактивную месть, а справедливость — как безэмоциональное дистанцирование от всяческой субъективности и личной обиды. Понятно, что при такой постановке вопроса истин-

¹⁴ Диденко П.И. Ресентимент либеральной интеллигенции // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. 2012. № 3 (18). С. 82.

¹⁵ Прокофьев А.В. Справедливость и ресентимент (заметки на полях «К генеалогии морали» Ф. Ницше) // Этическая мысль. 2013. Вып. 13. С. 190.

ное чувство справедливости ведомо только аристократам, не склонным к мстительности. Именно они и формулируют лишенные субъективности законы, которым людям ресентимента остается лишь безоговорочно подчиняться: «...для людей ресентимента безоговорочное исполнение закона (каким бы он ни был по своему содержанию), а равно основанные на законе оценки представляют собой максимум совершенства. Они, имея неограниченную склонность к мести, подвергаются жесткому воспитательному воздействию, чтобы стать в минимальной степени мстительными. Однако для тех, кто создает законы, последние имеют характер “частных средств” выражения воли к власти, их содержание задано целью усиления воли к власти. Для представителей “активных и агрессивных сил” правовые ситуации являются “исключением”, а нарушение закона может оказаться столь же ценно, как и его соблюдение, если, конечно, нарушение не вызвано приступом реактивных аффектов»¹⁶. Иными словами, для аристократа закон, который он, может быть, сам и сформулировал, не писан, а писан он только для черни. В этом суть понимания справедливости, вытекающего из классической концепции понимания ресентимента.

Правда, взгляд Ницше на открытый им феномен не лишен противоречий. Все первичное, истинное и здоровое в духовной сфере исходит от аристократии, в том числе и «право господ давать имена»: «...они говорят: “это есть то-то и то-то”, они опечатывают звуком всякую вещь и событие и тем самым как бы завладевают ими. Из этого начала явствует, что слово “хорошо” вовсе не необходимым образом заранее связуется с “неэгоистическими” поступками, как это значит в суеверии названных генеалогов морали»¹⁷. Это исключительно важное замеча-

¹⁶ Прокофьев А.В. Указ. соч. С. 191.

¹⁷ Ницше Ф. Указ. соч. С. 417.

ние. Если господа исходят из своего права давать имена и вовсе не обязательно делают это с точки зрения «хорошо», то нужно быть последовательным и признать также, что позже приписываемые ими рабам и прочим униженным поползновения дать их поступкам альтернативные изначальным имена принадлежат также им, и вовсе не обязательно в период упадка аристократии, а едва ли не в момент ее появления на исторической сцене. Это частично признает и сам Ницше, приписывая некоторую «нездоровость» части аристократии, а именно — жреческой: «...что же касается снадобий, измышленных ими самими против собственной болезненности, то не впору ли сказать, что по своим последствиям они оказываются в конце концов во сто крат более опасными, нежели сама болезнь, от которой они должны были избавиться?»¹⁸

Ницше во многом вторит Шелер. Ресентимент по Шелеру — это «самоотравление души, имеющее вполне определенные причины и следствия. Оно представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой натуры, — запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам. В первую очередь имеются в виду такие душевные движения и аффекты, как жажда и импульс мести, ненависть, злоба, зависть, враждебность, коварство»¹⁹. Возникает ресентимент там, где «особая сила этих аффектов идет рука об руку с чувством бессилия от невозможности претворить их в поступки, и поэтому их “сдерживают, закусив губу”, — из-за физической или духовной

¹⁸ Ницше Ф. Указ. соч. С. 421.

¹⁹ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. (Слово о сущем). С. 13–14.

слабости, из страха и трепета перед тем, на кого направлены аффекты. Почва, на которой произрастает ресентимент, — это прежде всего те, кто служит, находится под чьим-то господством, кто понапрасну прельстился авторитетом и нарвался на его жало»²⁰.

Как и для Ницше, для Шелера ресентимент является отрицанием естественного, жизнеутверждающего, подлинного, «аристократического» начала. Важное место в концепции Шелера занимает представление о некоем «вечном ранговом порядке ценностей» и «соответствующих ему аксиоматически ясных законах предпочтения, которые *столь же объективны и столь же “очевидны”*, как и истины математики»²¹. На этом порядке покоится подлинная нравственность. «Ресентимент же — источник переворотов в извечном порядке человеческого сознания, одна из причин заблуждений в познании этого порядка и в претворении его в жизнь»²². (Рене Генон, который вспоминается в связи с этим пассажем Шелера и к которому мы обратимся позже, очевидно, тот же самый порядок вещей называет «нормальным»²³.) Из дальнейшего изложения нетрудно заключить, что в социальном смысле вечному ранговому порядку ценностей соответствует по-

²⁰ Шелер М. Указ. соч. С. 18.

²¹ Там же. С. 56.

²² Там же.

²³ «Поскольку “западное сознание” сложилось только в ходе недавнего периода истории, то и о противоположном, сугубо “восточном сознании”, можно говорить лишь применительно к настоящему времени. Изначально же это “восточное сознание” было поистине присуще как людям Востока, так и людям Запада, так как его происхождение совпадает с происхождением самого человечества. Таким образом, его вполне можно назвать “нормальным сознанием” уже потому, что оно в большей или меньшей степени лежало в основе всех известных нам цивилизаций за одним лишь исключением — цивилизации современного Запада» (см.: Генон Р. Кризис современного мира. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/genon.txt>).

рядок феодально-сословный со всеми вытекающими следствиями.

Концепция ресентимента Шелера во многом является инвариантом концепции Ницше, основанной на противопоставлении аристократов и плебеев. Это заметно даже в том пункте, в котором, как обычно считается, позиция Шелера противоречит позиции Ницше, — а именно в вопросе о сущности христианства. Несмотря на то, что Шелер, в отличие от Ницше, не считал подлинный дух христианства проявлением ресентимента, обнаруживается «странная связь между Ницше и Шелером в том смысле, что то, что Шелер называет истинной, неизвращенной христианской любовью, имеет несколько общих черт с чистотой ницшеанской “белокурой бестии”: жизненность, благородство духа и прежде всего склонность быть “активным”, а не “реактивным”. Когда Шелер порицает буржуазную современную этику — например, выраженную в социальном чувстве или альтруизме — и призывает к любви, которая проистекает “из изобилия силы, благородства и жизненной силы”, в нем прослеживаются следы определенного позднеромантического аристократизма, также нетрудно обнаружить и наивность, свойственную Ницше»²⁴.

Шелер рассуждает о целостном чувстве собственного достоинства, свойственном «благородному человеку», которое не «складывается» из особых чувств, основанных на ценности его отдельных качеств, способностей, дарований, а «составляет скорее саму его сущность и бытие». «Напротив, глубинный корень “подлости” (в точном смысле слова) заключается в том, что ощущение собственного

²⁴ Bondi D. Victimism as the contemporary form of resentment. The paradoxically Christian roots of our culture’s secular morality [published: 01 Jun 2021] // *Dialegethai. Rivista telematica di filosofia*. 2021. Vol. 23. URL: <https://mondodamani.org/dialegethai/articoli/damiano-bondi-02> (дата обращения: 15.12.2021).

достоинства и достоинства другого основано только на схватывании отношения между собственной ценностью и ценностью другого, а также в том, что вообще ясно осознаются только те качества, которые представляют собой “возможные” дифференцирующие значения между собственной ценностью и ценностью другого. “Благородному человеку” ценности даны в переживании до сравнения; подлый переживает их впервые лишь в сравнении и через его посредство»²⁵. Несмотря на кажущуюся нейтральность этого пассажа, видно, что он дается с точки зрения «благородного», то есть того, кому нет нужды (во всех смыслах) глядеть на другого с точки зрения «больше», «меньше», «выше», «ниже». Сведение ресентимента к психическим и культурным феноменам позволяет допускать его наличие у формально «благородных» — со скидкой на то, что, проявив такие чувства, они якобы лишаются своего благородства, переходя в разряд «подлых». Иными словами, это тонкая, но, быть может, не слишком осознаваемая защита ницшевской исходной точки зрения.

То, что позиция Шелера — это в конечном счете позиция аристократа в морали, видно и из следующих его рассуждений, призванных выявить подоплеку современных взглядов на собственность. «Согласно их взглядам, — утверждает Шелер, — право собственности происходит из трудовой обработки вещей, а не из захвата или чего-то еще. Ясно, что этот новый масштаб ведет к радикальной критике существующего порядка собственности, поскольку право собственности исторически восходит к захвату, войне и дарению, к праву первородства и т.д. Все наследственное право, базирующееся на этих предпосылках, становится в принципе уязвимым, раз его нельзя представить как чисто техническое средство распределения вещей, наиболее целесообразное с точки зрения плодо-

²⁵ Шелер М. Указ. соч. С. 28–29.

творного труда над ними. <...> Разве не очевидно, что в основе этой “теории” лежит зависть трудящихся классов к тем группам, которые получили собственность не ценой труда, что как раз поэтому их право собственности и объявляется либо принципиально иллюзорным, либо всего лишь результатом насилия, так что лишить их его — якобы “справедливое” дело?»²⁶

Для Шелера былой сословный социальный порядок — порядок, в котором осуществляется «осмысленная селекция лучших», что соответствует «живой природе аристократии». Остатки этого порядка выбрасываются на свалку истории, с тем чтобы «гешефт можно было делать еще лучше». В итоге общество атомизируется, а «вместо “сословия” — понятия, в котором групповое единство определяется благородной кровью и традицией, — появляется пустое понятие “класса”, то есть группы, объединенной на основе собственности, так называемого “образования” и известных модных нравов»²⁷.

Требование человеколюбия ставится под подозрение Шелером потому, что «во имя него выдвигается требование ликвидации феодального и аристократического устройств общества, всех форм крепостной зависимости и личной несвободы, “прогнивших” и бессмысленных с точки зрения общей пользы монашеских орденов»²⁸. Для Шелера современность с ее ресентиментом наступает тогда, когда «начинается ожесточенная борьба против всех жизненных форм и ценностей, ведущих свое происхождение из рыцарской жизни и воинской касты вообще. <...> Перед нами уже не полнокровная, плещущая через край жизнь, та, что с любовью и блаженством отдает от своего богатства и избытка, от своей уверенности

²⁶ Шелер М. Указ. соч. С. 155.

²⁷ Там же. С. 183.

²⁸ Там же. С. 123.

и крепости, а погружение в бедность и боль, заражение чувством подавленности и угнетенности, возникающее в результате созерцания их внешних выразительных проявлений; это и есть специфически современное “квази-сострадание”, “жалостливое чувство”, устраняемое путем оказания помощи»²⁹. Даже христианство, настоящее, подлинное, тоже возводится им к рыцарству, ибо «христианская аскеза — веселая, радостная: это рыцарское сознание силы и власти над физическим телом!»³⁰ Эта связь полноты жизни и подлинности христианского мироощущения с воинской кастой свидетельствует о том, что с социологической точки зрения Шелер занимает ту же позицию в вопросе о происхождении ресентимента, что и Ницше, с той разницей, что, когда он говорит о духе подлинного христианства, он то ли приписывает воинской касте также и его истоки, то ли относит их к некоему возвышенному мироощущению Средневековья вообще, затем утраченному. Избавленная от ресентимента общественная жизнь, таким образом, должна протекать в обществе, настолько жестко поделенном на сословия, чтобы никому из низших сословий и в голову не приходило завидовать высшим. Таковым в представлении Шелера выступает идеализированное средневековое общество:

Средневековый крестьянин, живший до XIII века, не сравнивал себя со своим господином, ремесленник не сравнивал себя с рыцарем и т.д. Крестьянин равнялся в лучшем случае на более богатого или уважаемого крестьянина — и точно так же дело обстоит у всех: сравнение происходило только внутри собственной сословной сферы. У каждого сословия был свой круг жизненных задач, связанных со спецификой его деятельности, и эта идея особой жизненной задачи, присущая группе как таковой, удерживала

²⁹ Шелер М. Указ. соч. С. 125.

³⁰ Там же. С. 147.

сравнивающее восприятие в рамках отдельных общностей. Если последние между собой и сравнивались, то лишь как групповые единства. Поэтому в такие эпохи все отношения жизни пронизывает идея о данном Богом и природой «месте», на котором каждый человек призван исполнить свой особый долг. Ценности человека и его жизненные запросы формируются только в сфере значимости этого места. Каждый — от короля до шлюхи и палача — занимает формально «благородную» позицию, с точки зрения которой он на своем «месте» незаменим³¹.

Шелер не задается вопросом, каким образом в такой идиллической картине мог зародиться ресентимент. Но если он не мог зародиться в отношениях между господином и крестьянином или ремесленником и рыцарем, то, исходя из логики самого Шелера, он мог зародиться только в среде аристократии. Между тем Шелер тщательно избегает такого хода мысли, продолжая выводить ресентимент из зависти низших классов к высшим. Однако само то обстоятельство, что феномен ресентимента был замечен именно *в эпоху подъема силы* низших классов³², обнаруживает всю некорректность этого увязывания, всю произвольность этой претензии частного в морали на всеобщее. И сам Шелер отчетливо понимал, что ресентимент не может вырасти из абсолютной униженности и бессилия: «Раб, по природе являющийся рабом или чувствующий и сознающий себя рабом, не испытывает никакого чувства мести, когда хозяин оскорбляет его; точно так же — и распекаемый слуга-подхалим, и ребенок, получающий затре-

³¹ Шелер М. Указ. соч. С. 30–31.

³² Примечательно, что это констатирует и Ницше, замечая, что феномен ресентимента зародился в Европе в качестве «комплекса негативных эмоций», всплеска ненависти, ожесточения толпы против реформ XVI–XVII веков, призванных преобразовать католическое христианство (см.: Ницше Ф. Указ. соч. С. 82), однако потом сводит ресентимент к «морали рабов».

щину. Наоборот, высокие, сдерживаемые втуне притязания, гордыня, не соответствующая внешнему статусу, особенно благоприятны для пробуждения чувства мести»³³. Тем более удивительно, что, в одном весьма важном аспекте сказав «а», Шелер не говорит «б». Он признает, что «максимально сильный заряд ресентимента должен быть в таком обществе, где, как у нас, *почти равные политические права и соответственно формальное, публично признанное социальное равноправие* (курсив наш. — Л. Ф.) соседствуют с огромными различиями в фактической власти»³⁴ и что вторым фактором в формировании ресентимента являются «зависть, ревность и стремление к конкуренции»³⁵. Тем не менее ему не приходит в голову, что подобные отношения и подобные чувства могут иметь широкое распространение между членами *одного* класса³⁶ и этот класс вовсе не обязательно находится внизу социальной пирамиды. Как мы постараемся показать ниже, на роль такого класса как нельзя более подходит реальная исторически существовавшая, а не вымышленная Ницше и Шелером аристократия. И в такой же степени она имеет крайне мало общего с картиной класса, якобы свободного от ресентимента.

³³ Шелер М. Указ. соч. С. 20–21.

³⁴ Там же. С. 21.

³⁵ Там же. С. 24.

³⁶ А не только между разными социальными группами, поколениями, членами семьи, о чем он подробно рассуждает.

Глава 2

Ресентимент как умонастроение аристократии

Сколь бы самоочевидной в силу подкупающей простоты ни казалась связь между ресентиментом и низшими классами, сам комплекс характерных для него моральных чувств и стратегий поведения вряд ли мог *появиться* среди низших классов. Гораздо резонней предположить, что для его появления как значимого социального феномена было необходимо не уникальное сочетание черт личности у раба или крестьянина, одержимого, подобно старухе из сказки о золотой рыбке, неправомерной гордыней, а положение в социальной структуре, которое бы генерировало «высокие, сдерживаемые втуне притязания, гордыню, не соответствующую внешнему статусу»¹. Еще Аристотель указывал на то, что завидуют друг другу люди близкого социального положения: «...тем, кто к ним близок по времени, по месту, по возрасту и по славе... тем, с кем соперничают, потому что соперничают с перечисленными категориями лиц... Одинаковым образом [мы относимся] и к людям, занимающимся подобными вещами. <...> Завидуем мы и тем, чьи приобретения или успехи являются для нас упреком; ведь такие люди

¹ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга. 1999. С. 21.

нам близки и подобны нам... и тем, кто имеет или приобрел то, чем следовало бы обладать нам или чем мы обладали... И те, кто еще не достиг или совсем не достиг чего-нибудь, завидуют тем, кто быстро [достиг этого же самого]»². Иными словами, социально обусловленная зависть, которая, как считается, лежит в основании ресентимента, возникает и поддерживается вовсе не тогда, когда расстояние между завистником и объектом зависти велико, а, наоборот, когда оно минимально³. А если и не минимально, то видится вполне преодолимым легальным путем.

Сегодня с ресентиментом обычно связывают популизм — по определению представительство низших классов. Но, как пронизательно писал Ричард Сеннет еще по поводу Ричарда Никсона, «его симпатии — не приверженность новому порядку, но скорее чистое негодование, *ressentiment* по отношению к порядку существующему. В глубине души его политика — это политика пренебрежения к знати, критикующая недоступность привилегированных школ; класс, к которому он апеллирует, ненавидит привилегированных, но не собирается упразднить сами привилегии. Критикуя истеблишмент, *представители этого класса* (курсив наш. — Л. Ф.) надеются пробить в его стенах брешь, через которую они сами смогли бы по одному пробраться по ту сторону»⁴. Что же это за класс? Точно не пролетариат, по крайней мере американский. Как настойчиво подчеркивает Пол Фассел, пролетарии совсем не завидуют самым высшим классам; напротив, все оттенки зависти низших к высшим легко обнаруживаются между различными градациями среднего класса⁵.

² *Аристотель*. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. С. 81–82.

³ *Кустарев А.* The Word of the Day is Resentment // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 1. С. 8.

⁴ *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. С. 315.

⁵ *Фассел П.* Класс: Путеводитель по статусной системе Америки. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021.

Поэтому картина, согласно которой рабы и маргиналы совершают колоссальную духовную работу по переоценке ценностей, в результате чего чувства бессилия и отчаяния, желание мести и осознание того, что она не может реализоваться в адекватных поступках, подвергаются колоссальной культурной переработке, и в итоге бессилие трансформируется в силу, поражение — в победу, а «ressentiment сам становится творческим и порождает ценности»⁶, выглядит малоубедительной. Не стоит забывать, что революционеры, которые формулируют и воплощают на практике «ресентиментные» теории, обычно происходят из не самых обездоленных слоев, а часто все из тех же аристократов⁷ или буржуа. То же касается и феноменов, в которых типичным для ресентимента образом тесно переплетаются политика и искусство. Так, «школа ресентимента»⁸ в Америке возникла не тогда, когда негры были рабами, а женщины домохозяйками, а тогда, когда многие из них стали университетскими профессорами и развернули идеологизированные этнические, гендерные и «квирные» штудии. И поскольку речь зашла о политиках идентичности, с которыми нередко связывается современный ресентимент, стоит особо заметить, что он выражается в категориях *достоинства*⁹, защиты *оскорбленных чувств*, *компенсации* за прежние несправедливости

⁶ История этических учений / под ред. А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. С. 690.

⁷ Яков Кротов в свое время остроумно заметил: «Ресентимент царский или аристократический первым высказался — ведь царь и аристократ раньше холопа получает перо и бумагу» (см.: *Кротов Я.* Свойства без человека. URL: http://krotov.info/1/old/2_chelovek/2_svoystva/resentiment.htm?ysclid=lp6rddydmzu143278509).

⁸ Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 12.

⁹ Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4. С. 28.

в форме привилегий¹⁰. Все это вызывает ассоциации с этосом некоего привилегированного, квазиаристократического социального слоя, который если и не страдает сам, то озвучивает чаяния страдающих *на своем языке*.

Иными словами, генезис ресентимента следует искать в высших классах или близких к ним социальных группах. Но, конечно, нельзя отрицать, что в дальнейшем свойственный ресентименту комплекс моральных чувств и поведенческих стратегий может быть перенят другими классами. В этом виде он обращает на себя внимание в эпохи, когда угнетенные классы приобретают реальные возможности для изменения своего положения или, во всяком случае, получают основания считать, что могли бы достичь большего, если бы такая возможность им была предоставлена.

Правдоподобные представления о генезисе ресентимента в более ранние эпохи (то есть, если следовать Ницше, в эпоху Античности и в Средние века) можно получить путем выявления таких социальных групп (и типичных для них «человеческих ситуаций»), статус которых хотя бы в некоторых существенных отношениях близок к статусу высших классов, а «слабость» и «униженность» лишь относительно и оставляют надежду на изменения к лучшему. Здесь мы попытаемся описать некоторые из ситуаций, сыгравших, по нашему мнению, ключевую роль в генезисе ресентимента в европейской культуре. Как бы парадоксально это ни выглядело с точки зрения мыслителей, введших понятие ресентимента, эти ситуации связаны с максимальной близостью к фео-

¹⁰ Миллер А.И. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С. 12.

дальной аристократии, то есть к той социальной группе, с которой Ницше и Шелер связывали прямую противоположность ресентименту.

Речь идет о двух типических ситуациях, имеющих непосредственное отношение к наследованию социального статуса — младшего сына и бастарда.

Долгое время действовавшая в Западной Европе система майората дискриминировала младших наследников, которым приходилось делать карьеру по церковной линии, в свободных профессиях, заниматься наемничеством или даже торговлей. Чем строже соблюдался этот принцип, тем сильнее в глазах младших представителей рода проявлялась его несправедливость. К периоду изживания феодальных порядков в Европе комплекс переживаний обделенных наследников породил настроения, выразившиеся, в частности, в словах Монтескье: «Дух тщеславия установил у европейцев несправедливое право старшинства, столь неблагоприятное для продолжения рода, ибо оно побуждает отца все внимание уделять только одному ребенку и отвлекает его от других, вынуждает его противиться благосостоянию нескольких детей, чтобы обеспечить благосостояние старшего, разрушает, наконец, гражданское равенство, на котором зиждется процветание общества»¹¹. Заметим, что этот пассаж, начинающийся с вполне ресентиментного отторжения «духа тщеславия» (своего рода «блестящего порока», свойственного аристократии и осуждаемого с позиции младших детей *из все той же аристократии*), заканчивается отсылкой к принципу гражданского равенства. Эта могущественная идеологическая доктрина третьего сословия в Великую французскую революцию оказалась созвучна настроениям многих представителей дворянства — может

¹¹ Монтескье Ш.Л. де. Персидские письма. URL: https://librebook.me/lettres_persanes/vol1/120 (дата обращения: 30.03.2021).

быть, потому, что она вытекала и из их собственной «человеческой ситуации». В связи с этим хочется заметить, что комплекс связанных с майоратом ресентиментных переживаний и революционных устремлений разворачивался в накатанной тысячелетиями культурной колее. Как замечал Елеазар Мелетинский, осуждение майората в пользу более архаичного, но и более социально справедливого минората (наследования младшим сыном) прослеживается еще в Ветхом Завете: «...одобряемое автором перехватывание благословения Авраама младшим сыном Иаковом в ущерб Исаву и покупка первым первородства у второго; предпочтение, которое Иаков отдает младшему сыну Иосифу и младшему внуку Ефрему; воцарение Давида, младшего сына, которому завидуют старшие братья, и т.п.»¹². Особенно в европейской сказке старшие братья часто оказываются активными соперниками несправедливо обделенного героя. «Старшие братья часто пытаются приписать себе подвиги младшего, отнять его награду. Так же и мачеха пытается подменить падчерицу своими дочерьми. <...> Старшие братья в сказке могут убить младшего или сбросить его в нижний мир (откуда его затем выносит птица), либо просто отнять у него царевен, чудесные предметы и т.п., либо приписать себе убийство дракона, показывая его отрубленную голову. Так же и мачеха может подменить падчерицу в качестве невесты или жены принца своей дочерью, а падчерицу изгнать или заколдовать. Героя, обручившегося в дальних странствиях с некой чудесной красавицей, могут заставить ее забыть и подsunуть ему другую невесту. Подмена совершается с помощью коварства, хитрости, обмана и колдовства»¹³. Однако униженный, оскорбленный и об-

¹² Мелетинский Е.М. О литературных архетипах / Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 1994. С. 67.

¹³ Там же.